

ПАРАДОКСЫ

Неправильная любовь

Почему немцы в «новых» и «старых» землях так сильно расходятся в своих оценках российской политики Берлина и Запада в целом? Об этом для «Д» рассказывает **Штефан Локе**.



Штефан Локе

Мысль о воссоединении Германии почти 30 лет назад стали реальностью, однако внутреннее единство так и не наступило: данные статистики по численности населения, демографии и экономическим показателям стабильно указывают на большие различия между территориями, некогда разделенными на Федеративную и Демократическую республики. Снова и снова звучит один вопрос: сколько еще должно пройти времени, чтобы «новые» земли вышли на западный уровень?

Сама формулировка свидетельствует, что именно Запад считается нормой, на которую должен равняться Восток, — и как минимум в названных категориях он на это готов. Сложнее «подстроить» взгляды и воспоминания, которые неизбежно различаются. Ведь вследствие Второй мировой войны через Германию на 40 лет пролегла не только государственная граница, но и граница между двумя совершенно разными типами социально-экономических систем.

Так, яблком раздора не раз становилась позиция в отношении России. Недавно поводом для этого послужили слова премьер-министра Саксонии Михаэля Кретчмера, призвавшего на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) к скорой отмене санкций ЕС против РФ и пригласившего президента Путина в Дрезден. На западе Германии его инициативу встретили скептическими комментариями, на востоке — нескрываемым одобрением.

С Кретчмером трудно не согласиться в одном: в Восточной Германии есть собственное мнение на этот счет. Ему это хорошо известно, ведь тема российско-германских отношений поднимается практически на каждой его встрече с избирателями. Российская политика Берлина и Запада в целом вызывает неприятие и непонимание прежде всего у старших поколений восточных немцев.

Впрочем, в действительности все не так просто. Отношение многих восточных немцев к России — равно как и к Соединенным Штатам — весьма амбивалентно. Для старшего поколения на Востоке «русские» были и освободителями, и оккупантами. В течение 40 лет на территории ГДР размещалось около полумиллиона советских военнослужащих. Сравнительно небольшой Демократической республике пришлось не только в полном объеме выплачивать репарации за разрушения в ходе войны против Советского Союза, которую вела (вся) Германия, — преимущественно в форме демонтажа промышленного оборудования и инфраструктуры, в частности, железнодорожных путей — но и вплоть до 1989 года нести расходы на проживание, питание и выплату денежного довольствия военнослужащим оккупационных войск.

Российская политика Берлина и Запада в целом вызывает неприятие и непонимание прежде всего у старшего поколения восточных немцев

Лидеры СЕПГ считались марионетками Москвы, а членство в Обществе германо-советской дружбы (ОГСД) для восточногерманского населения — столь же непременным, как и уроки русского языка в школе, которые многими воспринимались как тяжелая повинность. Контакты с советскими военнослужащими происходили преимущественно в официальных рамках, частные контакты в основном возбранялись. В контексте всего этого любовь к русским в гэдэровские времена не отличалась пылкостью. Напротив, когда в 1994 году из Дрездена выводи-



1992 год. Можно снять с ворот звезды, вывести советские войска, но как быть с тем, что оставило социалистическое прошлое в душах и умах жителей ГДР?

лись войска, тогдашний мэр города Герберт Вагнер официально заявил, что это прощание «не наполняет наши сердца печалью».

С другой стороны, контакты между людьми способствовали формированию более дифференцированной картины, прежде всего у восточных немцев, получавших образование в СССР или награжденных возможностью совершить туристическую поездку в эту огромную страну. Те, кто в результате оказался в РСФСР или в других советских республиках, могли подтвердить, что его встречали радушно, душевно и с живым интересом.

Вероятно, аналогичные воспоминания остались у тех западных немцев, которые отправлялись учиться или отдыхать в США. Такой опыт накладывает отпечаток на отношение к стране и живущим в ней людям, вот только у представителей старшего поколения на Востоке и Западе он оказывается очень неодинаковым.

В отличие от ситуации на Западе, где Россию десятилетиями изображали в образе врага не менее прилежно, чем Соединенные

Штаты на Востоке, страх перед «русскими» в новых федеральных землях выражен не так сильно, зато отношение к американцам остается скептически-настороженным. В западных землях все с точностью до наоборот.

Впрочем, современная «благосклонность» к России на востоке страны обусловлена еще и той «неправильной» любовью, которая явилась продуктом тяжелого переломного периода: после воссоединения в бывшей Демократической республике сотни тысяч вдруг лишились работы, а с ней и возможности вести привычную жизнь, и были вынуждены уповать только на милость экономически более сильной Западной Германии. Симпатии к Владимиру Путину и его действиям у этих людей обусловлены скорее их внутренним протестом против Запада, который — опять-таки, по убеждению только части пожилых граждан экс-ГДР — пытаются экспортировать свой образ жизни еще дальше на Восток.

Вновь и вновь повторяется ошибочный, давно опровергнутый самим Горбачевым тезис, будто Североатлантический альянс обещал Советскому Союзу в обмен на согласие Москвы по воссоединению Германии воздержаться от расширения на Восток. При этом сторонники данной концепции опрометчиво забывают о праве восточноевропейских государств на самоопределение и о волеизъявлении большинства их граждан.

Также нельзя забывать, что и на востоке Германии достаточно тех, кто поддерживает аргументацию по санкциям против России. Эти люди тоже не хотят их отмены, пока продолжится неправомерное удержание Крыма, а также поддержка войны на востоке Украины деньгами, оружием и людьми. Между прочим, такой позиции придерживается и Михаэль Кретчмер.

То, что приглашение Кретчмера — явно сделанное «с прищелом» и на предстоящие выборы в ландтаг — встретило такую поддержку в Саксонии и на востоке Германии, отчасти обусловлено и еще одним обстоятельством: последствия санкций для Восточной Германии оказываются куда более ощутимыми, чем для Западной. Часть машиностроительных предприятий, сумевших реанимировать свои контакты в России, из-за санкций понесли большие потери, которые даже постигло банкротство; сельхозпроизводители вследствие «контрсанкций» Москвы остались без рынка сбыта.

Ситуация оказывается двойной болезненной для сравнительно слабой экономики востока страны, однако на западе тягот практически не замечают. И потому восточные немцы задаются вопросом, насколько Берлин стал бы мириться с таким положением вещей, если бы последствия для запада Германии оказались бы столь же серьезными, как для востока?

ДИСКУССИЯ

Загороженный рай

Трехметровый обелиск, часть советского мемориального комплекса, возвышается у северного входа в самый большой храм Штральзунда, перегораживая путь прихожанам. С этого соседства и возникла дискуссия. О ее содержании для «Д» рассказывает **Андре Хаттинг**, ведущий радиопередачи Deutschlandfunk Kultur.



Андре Хаттинг

Неспойное серое утро четверга. Площадь Нойер-Маркт, одна из двух исторических рыночных площадей в Штральзунде. Ветер дует с Запада, с той стороны, где расположен вход почти во все христианские храмы. Импазантная кирха Св. Марии, в народной топонимике «Владчица» — не исключение: в восточной части обустроен алтарь, с Востока не только нисходит свет, но и приходит Спаситель. Чему-то подобному учат в протестантских школах на занятиях, предшествующих конфирмации.

Так и есть, кивает Кристоф Ленерт, указывая рукой на пышно украшенную дверь северного фасада кирхи Св. Марии, но западный притвор — это, увы, не Рай. Мужчина с приятными манерами и умудренным годами лицом — пастор прихода церкви Св. Марии в Штральзунде. «Раем», по-прежнему озадаченному журналисту, называют северный притвор с его важной богословской нагрузкой: «Заходя в храм, человек не сразу видит алтарь, для этого ему нужно обратиться лицом на Восток. Это соответствует предстанию, что человек должен покаяться, переосмыслить свою жизнь, изменить ее. Для этого от нас требуется движение, как умственное, так и физическое».

Такой «рай» в северном притворе есть у Любекского собора, есть у Магдебургского собора — и есть у кирхи Св. Марии, самой большой в Штральзунде, расположенной на Нойер-Маркте — опять-таки, самой большой площади в архитектурном ансамбле города, причисленной к всемирному наследию ЮНЕСКО.

Однако путь в «рай» загорожен. Подобно херувиму, в считанных ша-



Тихий, будто кукольный, Штральзунд и возражает против места мемориала негромко и интеллигентно

гах от северного входа возвышается трехметровый обелиск, представляющий собой два пирамидальных, как будто сросшихся блока с гербом СССР в верхней трети. Нижнюю часть украшает бронзовый рельеф советского солдата, протягивающего руку мирному жителю.

Больше 65 лет этот монумент образует смысловой центр захоронения советских воинов, павших в боях за Штральзунд, чьи могилы отмечены каменными плитами у подножия обелиска. Точного количества красноармейцев, которые обрели здесь покой, сегодня не знает никто. Зато Ленерта,

пастора церкви Св. Марии с 1990 года, такое близкое соседство расстраивает. «Обелиск загроживает северный вход в храм, — жалуется он. — Когда ставили, понятно, никто тогда не спрашивал церковную общину, что она думает об этом проекте».

Но вот Германия воссоединилась. У пастора Ленерта появилась надежда, но монумент по сей день остается на прежнем месте. «Проблема в том, что мы при всем желании не можем пока постоянно использовать северный притвор с фресками Рая», — сетует Ленерт. Верующим остается только западный вход, который, увы, даже не приспособлен для нужд маломобильных прихожан.

То, что этот обелиск спустя почти 30 лет по-прежнему будет стоять у входа в «райский сад» самой боль-

шой церкви Штральзунда, в 1990-е годы стало частью соглашения между Федеративной республикой и СССР. Тогда Германия обещала обеспечить сохранность всех российских военных памятников и уход за ними. Россия приняла на себя аналогичные обязательства в отношении немецких захоронений. И тем не менее евангелический приход церкви Св. Марии недоумевает: неужели «сохранность» и «уход» означают невозможность любых изменений? Вопрос риторический.

Пастор Ленерт придерживает шляпу, которую то и дело пытается унести порывистый ветер. Укрыться от непогоды позволяет лишь не полюбившийся ему каменный столп. «Мы ведь не против могил, — подчеркивает он. — О перезахоронении ре-

чи не идет. Но неужели этот обелиск действительно должен стоять только и именно здесь?»

Мемориальный комплекс находится не в лучшем состоянии. Ленерт указывает на каменные надгробные плиты: корни деревьев вспучили землю, появились трещины. Пастор Ленерт качает головой: решение может прийти с севера, с той стороны, где изображен его маленький «рай» — и где расположена ратуша Штральзунда.

Власти ганзейского города давно хотят произвести комплексную реконструкцию площади Нойер-Маркт, которая сегодня больше напоминает большую парковку. Процесс уже запущен, и потому мэр Александр Бадров смог снова поднять вопрос о монументе. Политик от ХДС знает, что не только пастор Ленерт, но и большинство штральзундцев понимают, что соседство вышло неудачным. Это подтверждают и городские слушания, в рамках которых все жители города могут поучаствовать в выработке новой концепции.

Бадров, недолго думая, поехал в Берлин. Цель: посольство России. Задача: найти компромисс. Результат: отрезывающий. Российский посол сказал, что любые изменения проблематичны. Бадров пожимает плечами: «Я очень ясно и недвусмысленно понял, что российская сторона не допускает мысли о каком-либо переустройстве».

Берлин, бульвар Унтер-ден-Линден. Встреча с послом Российской Федерации Сергеем Нецаевым — любезным, безупречно вежливым 66-летним мужчиной. Его вдумчивая манера речи не выдает чувств. Для России Вторая мировая война — это тема, по-прежнему вызывающая большой эмоциональный резонанс, «культура памяти для нас дело святое. Ведь за победу над нацизмом и освобождение Европы было заплачено дорогой ценой, жизнями 27 млн советских граждан. Только в Германии на 4 000 во-

енных захоронениях покоятся останки примерно 650 000 человек».

Кладбище в Штральзунде, на Нойер-Маркте, с обелиском перед «райским садом» в притворе кирхи Св. Марии — одно из таких захоронений. При слове «Штральзунд» посол понимает, что у него есть: «Мне известно, что наш памятник и наше кладбище рас-

положены недалеко от храма Евангелической церкви. Возможно, это хороший знак. Советские военнослужащие освободили от гнета нацизма в том числе и верующих немцев. У нас в целом хорошие отношения и с Евангелической, и с Католической церквями. Но это историческое захоронение очень важно для нас. И здесь мы просим проявить понимание».

Конечно, можно будет продолжить обсуждение конкретных идей, говорит Нецаев. И тем не менее он бы предпочел, чтобы мемориал сохранился в первоначальном виде.

Вернемся в ратушу к мэру Александру Бадрову. Перед ним стоит непростая задача: «Дело такое, что, с одной стороны, большинство штральзундцев что-то хотят поменять. А с другой — в нашем мире более чем достаточно конфликтов и проблем. И мы, жители Штральзунда, не очень хотим их умножать. Мы стараемся сохранить и интегрировать весь ансамбль. И потом мне придется объяснять горожанам, почему мы так поступили».

Иными словами, Нойер-Маркт предстанет в новой красе: больше зелени, меньше трафика, никакой парковки, более высокое качество жизни. Но обелиск никуда не денется — его нужно будет сохранить на нынешнем месте. Для любого архитектурного бюро это серьезный вызов.

В июне был объявлен публичный тендер на переустройство площади Нойер-Маркт. Кто бы его ни выиграл, городские власти Штральзунда непременно будут согласовывать проект с российским посольством.

«В нашем мире и так достаточно конфликтов и проблем, и мы не очень хотим их умножать»